

© 2024. А. Д. Ивинский

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук г. Москва, Россия

О «Новых лирических опытах» М. Н. Муравьева

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского
научного фонда № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664/>*

Аннотация: Статья посвящена анализу «Новых лирических опытов» М. Н. Муравьева. Этот сборник, написанный в 1776 г. и хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, состоял из восьми од и лишь частично был опубликован Л. И. Кулаковой. В данной работе в научный оборот вводятся два текста Муравьева: «Ода третья. На торжество мира 1775 г.» и «Ода седьмая. К Н. А. Львову». Эти произведения позволяют приблизиться к реконструкции авторского замысла, который состоял в том, чтобы переосмыслить современную ему одическую традицию и наметить пути реформирования жанра. Каждая ода представляла собой опыт игрового, пародийного обыгрывания приемов какого-то известного автора, в диапазоне от М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова и В. П. Петрова до И. И. Хемницера и Н. А. Львова. Таким образом Муравьев предьявлял претензию на роль крупного современного поэта и показывал, что привычные образы и приемы устарели. Создавая свои сложные оды-пародии, Муравьев ориентировался на «русские» оды Вольтера, написанные в 1760–1770 гг.

Ключевые слова: М. Н. Муравьев, ода, М. М. Херасков, В. И. Майков, В. П. Петров, Вольтер, Ф. Блондель, Ж.-Ф. Вовилье.

Информация об авторе: Александр Дмитриевич Ивинский, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 28.05.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 24.07.2024

Дата публикации статьи: 25.09.2024

Для цитирования: Ивинский А. Д. О «Новых лирических опытах» М. Н. Муравьева // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 6–29. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-6-29>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 6–29. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 3, 2024, pp. 6–29. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Alexander D. Ivinskiy

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

On “New Lyrical Experiments” by M. N. Muravyov

Acknowledgments: This work was carried out at IWL RAS with financial support from the Russian Science Foundation, project no. № 23-28-00664, <https://rscf.ru/project/23-28-00664/>.

Abstract: The article examines “New Lyrical Experiences” by M. N. Muravyov. This collection, written in 1776 and kept in the Department of Manuscripts of the Russian National Library, consisted of eight odes and was only partially published by L. I. Kulakova. This research introduces two of Muravyov’s texts into scientific circulation: “The Third Ode. On the Triumph of Peace in 1775” and “The Seventh Ode. To N. A. Lvov.” These works allow us to approach the reconstruction of the author’s idea, which, from our point of view, consisted in rethinking the contemporary odic tradition and charting ways to reform the genre. Each ode was an experience of parodying the techniques of famous authors: M. V. Lomonosov, M. M. Kheraskov, V. P. Petrov, I. I. Chemnitz, N. A. Lvov, etc. Thus, Muravyov laid claim to the role of a major modern poet and showed that the usual ode’s images and techniques were outdated. Apparently, when Muravyov created this group of odes-parodies, he focused on the “Russian” odes of Voltaire, written in 1760–1770.

Keywords: M. N. Muravyov, ode, M. M. Kheraskov, V. I. Maikov, V. P. Petrov, Voltaire, F. Blondel, J.-F. Vauvilliers.

Information about the author: Aleksandr D. Ivinskiy, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9007-3996>

E-mail: ivinskij@gmail.com

Received: May 28, 2024

Approved after reviewing: July 24, 2024

Published: September 25, 2024

For citation: Ivinskiy, A. D. “On ‘New Lyrical Experiments’ by M. N. Muravyov.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 6–29. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-6-29>

Поэзия М. Н. Муравьева неоднократно привлекала внимание известных исследователей [Гуковский; Кулакова 1939; Кулакова 1967; Кочеткова; Топоров и др.], однако до сих пор во всей полноте она не только не проанализирована, но и не собрана и не опубликована, т. к. десятки его текстов рассеяны по архивам Москвы и Санкт-Петербурга. При этом оды Муравьева нечасто становились предметом специального анализа (показательно, что даже в работе, претендовавшей на описание истории и функционирования жанра в XVIII в., его тексты оказались проигнорированы [Алексеева]). Данная статья посвящена «Новым лирическим опытам» Муравьева, небольшому сборнику стихов, который поэт подготовил в 1776 г., однако так и не напечатал, и является частью большого проекта по изданию творческого наследия Муравьева, которым мы занимаемся в ИМЛИ РАН¹.

Рукопись «Новых лирических опытов» хранится в ОР РНБ², сборник состоит из восьми од. По каким причинам издание не состоялось, мы не знаем; отметим, однако, что со второй половины 1770-х гг. Муравьев печатался крайне неохотно, тем важнее любое указание на его творческие планы, идеи и проекты. «Новые лирические опыты» — один из трех подобных опытов: также поэт составил план сборника «Мечты

¹ В 2019 г. мы опубликовали более 30 неизвестных стихотворений и вариантов и редакций известных стихотворений Муравьева, отобрав их из «Записной книги» поэта, которая хранится в ОР РГБ. Среди них, в частности, отметим «Оду I», «Оду на случай Кагульския битвы», «Оду к И. П. Тургеневу», «Оду к А. М. Брянчанинову» (1774), «Оду» (по первой строчке: «Сопутница покоя ночь») [Ивинский 2019]. В другой большой подборке стихотворений Муравьева мы сосредоточились на публикации переводов Муравьева из Горация, Овидия, Лукана, Марциала, Катулла и др. — это еще более 30 текстов [Ивинский 2022].

² РНБ. Ф. 499. № 30. 1772-1801. Л. 2–6.

1776» и сборник «*Pièces fugitives*» [Топоров: 73–74]¹. Таким образом, перед нами один из важнейших творческих замыслов Муравьева второй половины 1770-х гг.

В 2013 г. к судьбе «Новых лирических опытов» попыталась привлечь внимание научной общественности С. А. Сионова. В своей статье она отметила, что «сборник 1776 года практически мало изучен, мало кому известен» и поэтому необходимо «открытие» «данных произведений молодого автора» [Сионова: 43]. Далее С. А. Сионова кратко пересказала содержание нескольких од и привела короткие цитаты из них. При этом отметим, в списке использованной литературы мы находим только указания на рукопись, хранящуюся в ОР РНБ. По прочтении статьи могло возникнуть ощущение, что исследователи ранее не обращались к этому источнику и просто не знали о его существовании. Это, конечно же, не так: Л. И. Кулакова, много десятилетий работавшая с рукописным наследием Муравьева, назвала этот труд одним из «переломных»: с ее точки зрения, в это время поэт отступил от «классицизма», о чем свидетельствовала «ломка жанровых границ», так как «все произведения еще названы одами, хотя большую часть они выходят за пределы всех типов оды» [Муравьев 1967: 29]. Кулакова напечатала шесть из восьми од в подготовленном ею собрании стихов Муравьева в томе «Библиотеки поэта» [Муравьев 1967: 149–159]. Парадоксальным образом Сионова в своей статье, претендовавшей на «открытие» сборника Муравьева, подробно остановилась именно на тех текстах, которые опубликовала Кулакова.

Кажется, это недоразумение объясняется тем, что в самом авторитетном на сегодняшний день собрании стихотворений Муравьева [Муравьев 1967] мы не найдем сборника «Новые лирические опыты»,

¹ Ср. ценные указания В. А. Западова: «Из восьми стихотворений, составляющих эту рукопись, лишь одно под названием «Желание зимы» автору удалось позднее напечатать в «СПб. Вестнике» (1778). Сохранился план сборника Муравьева «Мечты 1776 года», составленный, по-видимому, в конце 1776 или 1777 г. В сборник предполагалось включить пять стихотворений из «Новых лирических опытов» и, кроме того, элегию «Ночь», стихотворение «Око» (в позднейшей редакции «Зрение») и «Эпистолу к Н.Р.Р***», т. е. к Рожешникову. Три последних, наиболее автобиографичных, личностных стихотворения из «Новых лирических опытов», обращенных к Дмитревскому, Львову и Хемницеру, не были включены в план» [Западов: 308].

потому что, во-первых, напечатаны не все оды — только шесть из восьми текстов (об этом ниже), а во-вторых, цельность сборника нарушена, причем, по-видимому, вопреки воле Л. И. Кулаковой. Дело в том, что редакция издания не стала выделять эти тексты в особый цикл, свое решение она обосновала в крайне странном примечании: «Во избежание путаницы со сб. “Оды” редакция “Библиотеки поэта” считает необходимым в заглавиях стихотворений сб. “Новые лирические опыты” порядковые номера снять» [Муравьев 1967: 319]. Почему два сборника, которые назывались по-разному, должны были вызвать путаницу, остается загадкой. Стоит ли говорить, что своим решением редакторы путаницу только усугубили? Таким образом, лишь из примечаний читатель мог узнать, что Муравьев мыслил эти тексты как единый сборник. При этом третью оду Л. И. Кулакова по каким-то причинам опустила в принципе, нигде это не оговорив, а на седьмую лишь сослалась, назвав ее первой редакцией стихотворения «Прискорбие стихотворца. К***. В 1777 году», опять же не приведя его текст.

Итак, важнейший цикл Муравьева действительно выпал из поля зрения исследователей; нам представляется необходимым сформулировать задачу по восстановлению первоначального замысла Муравьева (и, по-видимому, Л. И. Кулаковой) и напечатать тексты в том виде, в котором он считал нужным это делать. Кроме того, мы считаем, что публикация Л. И. Кулаковой должна быть дополнена двумя текстами: «Ода третья. На торжество мира 1775 г.»¹ и «Одна седьмая. К Н. А. Львову»² (см. <1> и <2> в приложении к данной статье).

Только напечатав эти произведения, мы можем попытаться приблизиться к пониманию концепции Муравьева. С нашей точки зрения, «Новые лирические опыты» — своеобразная остроумная светская шутка, опыт иронического переосмысления русской одической традиции, пародийное переосмысление возможностей жанра, в основе которых лежат литературная игра и стилизация. Дело в том, что каждая ода была посвящена какому-то поэту, «классику» или современнику: писатель мог быть упомянут в заглавии или прямо назван в тексте, если же не происходило ни первое, ни второе, то обыгрывались легко узнавае-

¹ РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 3–4.

² РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 5 об.–6.

мые образы и приемы, причем это делалось так нарочито, что читатель не мог не узнать адресата такой игры.

Так, первая ода была обернулась диалогом-полемикой с В. И. Майковым. См. показательную концовку стихотворения:

Вот, Майков, плод твоих советов!
Жалей питомца своего,
Преступник он своих обетов
И наставленья твоего.
Но ты мне склонным покажися
И на того не раздражися,
Сердечно любит кто тебя;
Услышь: коль ты меня не любишь,
Так знай, что тем меня ты губишь
И ненавижу я себя [Муравьев 1967: 150].

«Питомец» оказался «преступником» своих «обетов», поэт, хоть и любил «сердечно» своего «учителя», но не следовал его принципам, декларируя собственную независимость, несмотря на показную «ненависть» к себе (об этом ниже).

Вторая ода явно обыгрывала поэтику Ломоносова: одическая строфа, высокая лексика, церковнославянизмы — все это читатель легко идентифицировал. Однако ключ к тексту — образ «любезной тишины» из последней строфы [Муравьев 1967: 152], отсылающий, разумеется, к «возлюбленной тишине» из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года».

В третьей оде, не напечатанной, как мы указывали выше, Л. И. Кулаковой, Муравьев обыгрывал приемы и образы произведений В. П. Петрова.

Четвертая ода — вариация на нравоучительные сочинения Хераскова (и, возможно, Сумарокова): об этом свидетельствуют легко узнаваемые мотивы быстротечности жизни, «увядшего цвета», «тщеты», своеобразной мрачной элегичности, пропитанной масонскими ассоциациями:

Вотще заржавит меч и возвратится в ножны,
Вотще от яростных укроется валов,
Вотще от непогод мы будем осторожны:
Все снидем в мрачный ров [Муравьев 1967: 152].

Ср.:

Однако ж, о судьбы! коль буду я порочен,
О милосердии к вам дланей не простру,
Да рок мой ни на миг не будет мне отсрочен,
Пускай я млад умру [Муравьев 1967: 153].

Пятая, шестая и седьмая оды посвящены И. И. Хемницеру, И. А. Дмитриевскому и Н. А. Львову соответственно. При этом только последний, восьмой текст, вошедший в сборник, Муравьев в 1778 г. опубликовал в «Санкт-Петербургском вестнике» (Ч. 2. С. 403), что, очевидно, говорит о его особой значимости для поэта. Возможно, Муравьев именно его считал своеобразной литературной декларацией, открывавшей новые пути развития традиционной оды.

Почему Муравьев предпринял подобный опыт именно в 1776 г.? Дело в том, что это важнейший год в творческой биографии Муравьева¹. Молодой человек впервые был предоставлен самому себе, начал полноценную взрослую жизнь в столице, почувствовал себя писателем. В это время он служил в полку, хотя своими обязанностями явно тяготился, регулярно посещал академические лекции, занимаясь самообразованием, много читал, писал и общался с виднейшими авторами эпохи: М. М. Херасковым, В. И. Майковым, Н. И. Новиковым, Н. А. Львовым, С. Г. Домашневым, В. Е. Адодуровым, А. А. Барсовым, П. А. Алексеевым и др., наконец вступил в «Вольное российское собрание».

Муравьев познакомился с Майковым, по-видимому, еще в 1772 г. Совсем юношу в большой литературный мир ввели родственники — А. А. Муравьева (урожденная Волкова), вдова Н. Е. Муравьева, и ее

¹ Ключевой источник для реконструкции биографии Муравьева этого периода — его письма к отцу Н. А. Муравьеву и сестре Ф. Н. Муравьевой, которые мы подготовили к печати.

брат А. А. Волков, известный переводчик и драматург. Так, на форзаце одной из тетрадей, хранящихся в ОР РНБ, Муравьев записал: основные «вехи» своей биографии, среди которых находим указание встречу с автором «Елисея» 24 ноября 1772 г.: «1772 ноября 24. Капр<ал>. Обед с Вас. Ив. Майковым у Анны Андреевны <Муравьевой>»¹. Майков, в свою очередь, мог открыть Муравьеву двери в дом Хераскова. В упомянутой выше рукописи из ОР РНБ находим, кажется, самое раннее упоминание имени Хераскова — 1 января 1773 г.: «1773 января 1. Фуриер... В это время вышли басни мои. Мих. Матв. Херасков у Вас. Ив. Майкова в доме попрекал мне, что я не читал их никому из них прежде печати. Один вечер был я с батюшкой у М<ихаила> Матв<еевича> Хераскова, коему читал перевод “Федры” <...> Мы ужинали. Майков, Фонвизин, Храпов<ицкий> Васил<ий> <...>»². Таким образом, к 1776 г., когда Муравьев начал самостоятельную жизнь в Петербурге, молодой поэт был знаком с Майковым и Херасковым более трех лет. Отметим, что общение с Херасковым уже совершенно неформальное, вряд ли ошибемся, если предположим, что знакомство произошло раньше, возможно, тоже в 1772 г. Кроме того, подчеркнем и стремление Муравьева к творческой независимости, проявившееся в нежелании советоваться с известными авторами, эта черта характера станет во многом определяющей в жизни писателя, возможно, именно она привела к отказу от печати «Новых лирических опытов».

В 1776 г. «старые» отношения укреплялись. Так, из письма от 24 ноября 1776 г. мы узнаем, что Муравьев провел вечер у Майкова: «Делать, еще ничего не делал, а все разъезжаю. Тот день, как я к вам писал, поехал вечером к Василью Ивановичу Майкову, которой приказывает вам свое почтение. Он меня принял по-прежнему хорошо. У него стоит Аполлон Андреевич Волков, которые собирались тогда в Клоб, которого Василий Иванович Майков директором. Он же заводит Концерт»³.

Тесно общался Муравьев и с Херасковым; в том же письме от 24 ноября 1776 г. читаем: «<...> поехал я к Хераскову, которого приемом я чрезмерно доволен. Спрашивал о вас, о моих обстоятельствах, благодарил за мои стишки к нему, которые у меня видал, расспрашивал

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 27. [I].

² Там же.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 49. Л. 3.

у меня, что я делаю, разговаривал и рассуждал со мною, с такою ласкою и кажется откровенностию, что я довольно благодарить не могу. Просил меня к себе отобедать <...>»¹. И далее см. письмо от 28 ноября 1776 г.: «Нынешний день обедал я у Василья Ивановича <Майкова>, а третьего дня у Михайло Матвеевича Хераскова, которому я читал своего Болеслава и переводных элегий Овидия. Он мне сказывал свои мнения, так как прежде и Василий Иванович, о стихосложении моем и ободряет меня продолжать. Государыня изволила пожаловать пять тысяч для ободрения Драматических сочинителей. Элегии мои ему очень нравятся, и ему бы хотелось, чтоб мой перевод был внесен в общество, а не Рубанов, которого он не любит. Завтра ввечеру буду у него, и он мне обещал читать свою Руссиаду <так!>, эпическую поэму, которой уже готовы восемь песней, а всего будет двенадцать. Он ее четыре года уже делает»².

В то же самое время формировались и новые связи. Не менее важным, а возможно, и гораздо более значимым стало знакомство с Н. А. Львовым, который направлял учебу начинающего писателя, давал книги, вдохновлял на изучение нового; см., напр.: «Ник.<олай> Александрович <Львов> много принимает участия во мне <...>»³. Увлечение итальянскими языком и культурой, конечно, прямое следствие этих отношений.

Еще одно знаковое знакомство состоялось с И. А. Дмитриевским. Муравьев мечтал о славе драматурга, долго и мучительно писал свою трагедию «Болеслав», которую, впрочем, так и не закончил; мнение известного литератора и актера было ему чрезвычайно важно, и Дмитриевский не скупился на похвалы; см., напр.: «Я, слава богу, здоров и весел, а особливо потому, что Дмитриевской хвалил мою трагедию»⁴; ср.: «Это правда, Дмитриевский ободряет меня продолжать мою Трагедию; он обнадеживает, что ее представят»⁵.

Итак, в 1776 г. Муравьев был погружен в литературную жизнь: он общался с крупнейшими авторами, надеялся на развитие собственного

¹ Там же. Л. 3 об.

² Там же. Л. 5.

³ ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. хр. 48. Л. 48.

⁴ Л. 90 об.

⁵ Л. 96.

таланта и грезил возможными успехами. «Новые литературные опыты», как нам представляется, должны быть рассмотрены именно в этом контексте претензий молодого поэта на новый статус в современном ему литературном мире. Этот несостоявшийся сборник — знак претензий Муравьева на свое место на Парнасе.

В 1775 г. Муравьев напечатал сборник «Оды» [Муравьев 1775], работа над которым демонстрирует стремление молодого поэта к творческой независимости, а также показывает его сложное отношение как к прославленным классикам, так и к известным современникам, в первую очередь, отметим ушедшую в подтекст полемику с А. П. Сумароковым, М. М. Херасковым и В. И. Майковым; ср.: «Первоначально «Ода седьмая» («Восприял я лиру в длани...»), декларирующая интерес поэта к природе, была явно ориентирована на ломоносовский «Разговор с Анакреоном», но при этом звучала полемично по отношению как к Анакреону и М. В. Ломоносову, так и к Хераскову, воздействие которого ощутимо в первых стихотворениях сборника. По каким-то причинам Муравьев вычеркнул стихотворение и сочинил новую «Оду седьмую» достаточно традиционного содержания. Возможно, он сделал это после поэтического «диалога» с В. И. Майковым в начале 1775 г. (см. «Сонет к Василию Ивановичу Майкову» и ответный «Сонет к Михаиле Никитичу Муравьеву»). Майков рекомендовал Муравьеву следовать в поэзии Сумарокову. Тем не менее, подчеркнуто вопреки совету наставника, «Ода десятая. Весна. К Василью Ивановичу Майкову» представляет собой пейзажное стихотворение «во знак чувствительной души» [Западов: 307]¹.

«Новые лирические опыты» развивают многие идеи «Од» 1775 г., причем, как представляется, Муравьев не мог не учитывать ни «Новых од» Хераскова [Херасков 1762], ни «Разных стихотворений» Майкова

¹ См. также: «Не решившись открыто полемизировать с Ломоносовым и противоречить Майкову, он зачеркнул эти искренние строки, написал «Оду седьмую», потом «Оду... на замирение» и т. п. Но перелагая в рифмы военный устав, вводя в оды новые мотивы, образы, строфику, он понимал, что написанное им далеко от истинной поэзии и чуждо его дарованию. <...> Унаследовав от Хераскова склонность к морализованию, Муравьев не во всем солидарен и с этим своим учителем <...> Для ученика Ломоносова неприемлемо отрицание разума. Он не способен увидеть зло в чтении, знании» [Кулакова 1967: 23, 24].

[Майков 1773]. Кризис оды оформился уже к рубежу 1760–1770 гг., когда в русской литературной журналистике, особенно во «Всякой всячине», общим местом стали насмешки над незадачливыми поэтами, которые создавали неубедительные «хвалебные песни», столь же неискренние, сколь и бесталанные. Эти дискуссии привели в итоге к той революции в поэзии, которую совершил Г. Р. Державин своей «Фелицей» [Ивинский 2023]. Муравьев, понимая все ограничения классической оды, искал свой путь, при этом он явно симпатизировал Ломоносову и сторонился Сумарокова; этим, по-видимому, нужно объяснить майковский «Сонет к Михаилу Никитичу Муравьеву» и «ответ» Муравьева в «Новых лирических опытах», который мы привели выше:

И бог Невы хоть нас, как мню, не позабудет,
Но более скорбеть о пении не будет,
Когда ты тщание свое употребишь,
Чтоб был подобен слог певцов приятных слогу,
Как Сумароков всем к тому явил дорогу,
То пением своим, поверь, не согрубишь [Майков: 305–306].

Логично предположить, что не надо убеждать в следовании Сумарокову сторонника или даже ученика классика; следовательно, антисумароковская позиция Муравьев беспокоила его старшего товарища (об отношении Муравьева к Сумарокову см. подробнее: [Ивинский 2018]).

При этом подчеркнем, что Муравьев, обыгрывая в «Новых лирических опытах» приемы известных авторов, во-первых, демонстрировал свое литературное мастерство и предъявлял претензию на роль большого поэта, а во-вторых, ярко раскрывал излишнюю «привычность», «шаблонность» давно всем известных образов, подчеркивая тем самым необходимость обновления жанра. Но Муравьев не «опускался» до прямой критики, как светский человек, он ограничился шуткой, поэтической шалостью, показывая друзьям и учителям, что «ученик» давно перерос своих менторов и может легко и остроумно обыгрывать их приемы.

В. Н. Топоров убедительно показал новаторство Муравьева-поэта: «Муравьев был достаточно чуток к веяниям нового и, безусловно, честен, чтобы не “подделываться” даже под великого Ломоносова. Продолжая его, хоть и по нисходящей линии, Муравьев — и именно

это нужно поставить ему в заслугу, во всяком случае с точки зрения истории русской поэзии — “расшатывал” созданный в России Ломоносовым одический канон. <...> Муравьев, возможно и не осознавая этого, работал, как тот крот, что прорывает под землей путь, который в следующем поколении выйдет наружу и, возможно, вскоре станет нормой, но новой» [Топоров: 58]. Более того, как отмечал исследователь, «целый ряд од (номинальных) были далеки от всего того, что в то время связывалось со спецификой этого жанра, и даже противоречили ей» [Топоров: 76]. Следует в целом согласиться с общим выводом Топорова о том, что Муравьев в 1770 г. во многом «опередил время» и «предчувствовал» Державина. Справедливы также и рассуждения исследователя о размытии жанровых границ оды, которая теперь строилась как результат сложной контаминации образов, мотивов и приемов различных форм (идиллических, элегических) — «неких иных — не одических — начал» [Топоров: 76]. Однако при этом история русской оды не может рассматриваться линейно, ведь помимо или параллельно «новаторской» линии развития жанра вполне успешно существовала «традиционная»: ни Державин, ни Николев, ни Карамзин не отказывались от классических приемов восхваления императора.

Яркий пример подобного подхода — публикуемая ниже «Ода третья. На торжество мира 1775 г.» Муравьева, которая, очевидно, выпадает из концепции Топорова¹, так как является совершенно классической торжественной одой, которую могли бы написать и Ломоносов, и Сумароков, и Майков. Более того, как мы уже писали выше, ее поэтика напоминает тексты В. П. Петрова. Главный герой муравьевской оды — П. А. Румянцев, к нему неоднократно обращался автор:

Гремят военные раздоры,
Я там, Румянцов, зрю тебя,
Румянцов, россов предводитель,
Иль то Тифея победитель?

¹ Ср. также: «<...> с принципиальным новаторством художественного метода Муравьева, очевидно, и была связана неудача с публикацией «Новых лирических опытов», равно как и последующих поэтических сборников» [Западов: 308].

См также:

Румянцов, праздник сей прекрасный,
Румянцов дал нам сей покой;
Один промчался вопль согласной
Над славной Ингерской рекой.

Годом ранее, в 1775 г., Петров написал оду «Его сиятельству графу Петру Александровичу Румянцеву-Задунайскому»; кроме того, он тогда же напечатал свою знаменитую «Оду ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержице всероссийской на заключение с Оттоманскою Портою мира». Муравьев интересовался творчеством Петрова и позднее дорожил знакомством с ним. Приведем один пример: в письме от 5 июня 1778 г. Муравьев писал отцу: «Третьяго дня же весь вечер был я в Летнем саду, где многих видел. Петров принял меня отменнее, нежели когда-нибудь, хвалил мою *Рощу*¹, сказывал, что полюбилась она очень К.<нязю> Григорию Александровичу <Потемкину>, которой ее читал»². Нет ни малейших сомнений в том, что Муравьев знал оды «карманного стихотворца» Екатерины II. Более того, в «Мыслях, замечаниях, отрывках» Муравьева Петров оказался в одном ряду с такими важными для него авторами, как А. П. Сумароков, М. М. Херасков, В. И. Майков: «Сказывают, что Сумароков ни о чем не говаривал чаще и лучше, как о стихах. Михайло Матвеевич говорил о стихотворстве с удовольствием <...> Василий Иванович Майков целой день бывал занят забавами общества и никогда не заговаривал сам о стихах. <...> Василий Петрович Петров, сколько я знаю, не говорит никогда о стихах. Но можно ль, делая их также множество выразительных и мастерских, об них не мыслить?» [Муравьев 1820: 316–317].

Возвращаясь к концепции Топорова, мы хотели бы отметить, что дело отнюдь не только в том, что Муравьев был «реформатором», который «прорывал» новый путь. С нашей точки зрения, остроумие Муравьева заключалось в том, чтобы показать, что внешне совершенно «традиционная» ода в духе Петрова, попадая в игровой контекст «Новых лирических опытов», могла прочитываться совершенно ина-

¹ Речь о стихотворении М. Н. Муравьева «Роща» (1777).

² ОПИ ГИМ. Ф. 445. Ед. 51. Ч. 74г. Л. 59.

че: читатель мог воспринимать ее как демонстрацию возможностей и ограничений давно устоявшейся эстетики.

Муравьев не был первым, кто попытался приемами светского остроумия «остранить» классическую поэтику оды. Нам представляется, что он мог опираться на сочинения Вольтера 1760–1770 гг. Особенно его внимание должны были привлечь «русские» оды великого просветителя: «Galimatias Pindarique sur un carrousel donné par l'impératrice de Russie» (1766) и «Ode Pindaro-Eutraplique au sujet de la guerre présentée en Grèce, par le secrétaire du prince Dolgoruki, juin 1770». Как справедливо указала Т. И. Смолярова, «обе пиндарические оды Вольтера были напрямую связаны с российской историей и политикой, обе одновременно являлись и одами, и пародиями на оду» [Смолярова]. «Галиматья» и «Eutrapélie», т.е. остроумная шутка (подробнее см.: [Смолярова]), — приемы, которые Вольтер использовал для того, чтобы перестроить современную ему оду, а кроме того, переосмыслить известную дискуссию о Пиндаре, которая разделила Н. Буало и Ш. Перро, один из ключевых эпизодов спора о древних и новых.

Муравьев в 1770-е гг. активно прибегал к «галиматье» в своих письмах; так, например, в приписке к сестре 4 августа 1776 г. он писал: «Si vous ne déchiffrez pas mon Galimathias <выделено нами. — А. И.>, tant mieux pour moi» (этому вопросу мы посвятили отдельное исследование; см.: [Ивинский 2018]). Кроме того, Муравьев как образованный человек и как переводчик Буало прекрасно был осведомлен о споре древних и новых, более того, среди его рукописей, которые хранятся в ОР РНБ, находим упоминания знаменитой книги Ф. Блонделя «Comparaison de Pindare et d'Horace» [Blondel], а также сочинения Ж.-Ф. Вовилье «Essai sur Pindare» [Vauvilliers]. Написанная за год до «Поэтического искусства» Буало, работа Блонделя во многом сформировала репутацию Пиндара в конце XVII в. и предопределила многочисленные дискуссии по этому вопросу на рубеже веков [Смолярова]. Мы не знаем, как глубоко Муравьев погрузился в чтение Блонделя: в библиотеке Муравьева эта книга отсутствует¹. Книга Вовилье была написана практически на 100 лет позже и представляла собой не только историко-литературного эссе, но и опыт перевода произведений Пиндара. Ссылке на них в рукописи предшествует то ли выписка, то ли конспект Муравьева,

¹ Благодарим за консультацию М. В. Ленчиненко.

озаглавленный «Перечень рассуждения об оде»¹. Возможно, предполагался перечень *рассуждений* об оде, в котором сочинения Блонделя и Вовилье должны были быть не единственными. Этот замысел не реализовался, а небольшой текст (менее одной страницы), который сохранился, показывает интерес Муравьева к теоретическим проблемам современной оды: так, например, он выписал (по-своему переработал?) рассуждения об одическом восторге, о композиции и строфике. Этот «конспект», написанный, по-видимому, в промежутке между серединой-второй половиной 1770-х гг. и первой половиной 1787 г.², не находит прямого соответствия с текстами Блонделя и Вовилье. Возможно, это размышления самого Муравьева, навеянные чтением французских литераторов (см. <3> в приложении к данной статье). С нашей точки зрения, не так важна степень оригинальности данного текста, сколько сам факт интереса Муравьева к подобным сюжетам.

При этом спор о Пиндаре неминуемо подводил Муравьева к вопросу о другом классике русской литературы — В. К. Тредиаковском. Именно он в «Рассуждении об оде вообще», во многом вопреки французской традиции, «приравнял» Пиндара к Горацию: «Подлинно, Пиндар, лирический пиит на греческом языке, и Гораций, подобного ж искусства на латинском, толь совершенно писали оды, что желающий ныне в том иметь успех не может им не последовать» [Тредиаковский: 157]³. И далее: «Они только одни умели сочинять столь чудесно, когда, чтоб изъяснить разум свой, как будто б он был вне себя, прерывали с умысла последование своей речи и, дабы лучше войти в разум, выходили, буде позволено так сказать после Боало-Депрео, из самого разума, удаляясь с великим старанием от исправного порядка, который имел бы отнять всю соль, весь сок или, лучше, самую душу у лирической поэзии» [Тредиаковский: 157]. Муравьев относился к Горацию чрезвычайно серьезно, считал его едва ли не лучшим поэтом («<...> и сам Гораций, если бы он не был первой из Лириков» [Муравьев 1820: 315]), много его

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 40.

² Так, например, на л. 37 об. рукописи находим пометку: «1778 года января 2» (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37), на л. 40 он записал свой «конспект». А на л. 39 об. читаем заметку, помеченную 22 мая 1787 г. (ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 39 об.).

³ См. указанную выше работу Смоляровой. Другая точка зрения: [Алексева: 128].

переводил и воспринимал не просто как «классика», но как поэта, изучать которого необходимо, чтобы достичь успеха в современной словесности. Новатор и экспериментатор, Муравьев был «римлянином», глубоким знатоком и любителем античной культуры [Ивинский 2021]. Вопрос об отношении Муравьева к Тредиаковскому требует изучения, однако отметим, что, несмотря на сомнительную репутацию, Тредиаковский оставался актуальным автором, к произведениям которого обращалась, например, Екатерина II [Ивинский 2023: 55–65]. Если же вспомнить «антисумароковскую» позицию Муравьева, то обращение к текстам Тредиаковского не должно удивлять.

Итак, публикуемые в данной работе произведения Муравьева позволяют приблизиться к реконструкции авторского замысла «Новых лирических опытов», который, с нашей точки зрения, состоял в том, чтобы переосмыслить современную ему одическую традицию и наметить пути реформирования жанра. Каждая ода представляла собой опыт игрового, пародийного обыгрывания приемов какого-то известного автора в диапазоне от Ломоносова, Хераскова и Петрова до Хемницера и Львова; при этом молодой поэт по-своему учитывал опыт Тредиаковского, которого, по-видимому, считал до некоторой степени актуальным писателем. Так Муравьев предъявлял претензию на роль крупного современного поэта и показывал, что привычные образы и приемы устарели. Создавая свои сложные оды-пародии, Муравьев ориентировался на «русские» оды Вольтера, написанные в 1760–1770 гг. Мы не знаем, почему Муравьев не напечатал свой цикл, может быть, он не нашел понимания у своих старших друзей, может быть, он оказался не удовлетворен результатом. В любом случае перед нами крайне любопытная страница в истории русской оды, и она позволяет усложнить наши представления о функционировании жанра в России.

Приложение

<1>

Ода третья.

На торжествование мира 1775 г.

Как Этны пламенной заклепы,
Когда покоились давно,

И только зелия свирепы
Ея снедали мрачно дно.
Внезапу сера воспалится,
Потухша паки искра тлится,
В пещерах слышен рев и стон,
Громады движутся, бьются,
И вихри огненны вьются,
И с шумом мчатся реки вон.

Так грудь, восторгом востороплена,
Кипит и хочет бунтовать,
И духа праздностию тленна¹,
<По>зорны ризы разорвать:
<Тол>кает, яростью теснится,
<Я> трепещу и Лира мнится,
<Др>ожит и произносит стон;
<О,> Феб! уж я не препираюсь,
<Пре>стань: я к Лире простираюсь,
<Как>ой, какой разыграть мне тон?

Кругом меня восстали горы?
Почто зрю в Фракии себя?
Гремят военные раздоры,
Я там, Румянцов, зрю тебя,
Румянцов, россов предводитель,
Иль то Тифея победитель?
Одеян молнией, как он;
Речет: и движется громада,
Речет: и вержет Энцелада,
Хотевша сдвинуть Пелион.

О как сей взор меня прельщает²,
Пребудем... *буйный мчится бог,*

¹ Далее лист надорван с левого края, поэтому начала следующих семи строк — результат реконструкции.

² Первоначально: «О как мя взор сей насыщает».

Меня с собою похищает,
И мчит, где я не зрю дорог.
Нам громка путь являет слава,
Куда летит, везде забава,
От смертных гонит скорбну тень;
Граждан я зрю веселы лики,
Селян усердны слышу клики;
Какой здесь торжествуют день?

Румянцов, праздник сей прекрасный,
Румянцов дал нам сей покой;
Один промчался вопль согласной
Над славной Ингерской рекой.
Взвились полки и в строи стали,
И в громах молнии заблестали,
Перебегая по главам;
Приял Петрополь ощущение
И уклонялся в восхищенье
Победоносным знаменам.

Се¹ Финской Понт в утехх тонет,
Любуясь сим прекрасным днем,
К Петрополю спешит и стонет,
Что нет Екатерины в нем.
Однако, чувствуя отраду,
Усердный вал стремится ко граду,
Которым он прославлен стал,
Бьет в брега, гордясь тем флагом,
Которого с Архипелагом
Средьземный Понт вострепетал.

Монархиня! к тебе взываем,
Внемли: мы молимся судьбе,
Мы верны длани воздаем,
Мы к богу плачем о тебе.

¹ Первоначально: «А».

Так мать скорбит, желая сына,
Которого делит пучина,
На том берегу с ней целый год;
На брег она сейчас всходит¹,
И с плачем смутным слез не сводит,
С ужасных ей и милых вод.

Но слов твоих закон священный
От сердца мы стремимся чтить
И жалобы не просвещенной
Своей любви воспретить.
Готовы наши слезы литься,
Мы души нудим веселиться,
За тем, что хочешь ты того;
Но в час, когда пред богом станешь,
Иль ты, иль нас ты не вспомняешь²
Лишенных взора твоего?³

<2>

Ода седьмая. К Н. А. Львову

Львов! Узнаешь ли ты лиру,
Кою часто ты слышал?
Вспоминаешь ли ее, зря сиру,
Что на ней я воздыхал,
Что в ней часто глас мятежной
Услаждался трелью смежной,
С стоном тихим чередясь?
Феб меня отчаявает:
Ах! во мне не познавает
Он питомца рассердясь.

¹ Первоначально: «Она всяк час на пристань всходит».

² Первоначально: «Иль ты, иль ты не вспомняешь»

³ РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 3–4.

Ах! а я еще ласкался,
Не привычен на волне,
Что я, коим увлекался
Ветр послужит в пристань мне!
Как тогда я огорчился,
Как впервые помрачился
Вал, далече от берегов?
Я желал себя обратно
И оплакивал стократно
Пременившихся богов.

Облак темной вдруг развился,
Посреде стал Аполлон,
Раз еще мне, раз явился,
Грозен, яр, явился он,
Я пал ниц и ужаснулся¹

Ах! Не будет уязвенно,
Лаврами чело мое
И мгновенье мной сплетенно,
Не получит бытие,
Что мои ах! песни чтущей
Девы юности цветущей
Умилилися глаза
И чтоб сладко похищенна
Со ланит ее священна
Уронила слеза².

¹ На этом строфа обрывается. Далее в рукописи находим несколько вариантов еще одной строфы, предположительно имеющей отношение к данной оде. В пользу этой гипотезы свидетельствует тот факт, что почерк этой последней строфы совпадает с почерком следующей оды VIII. Возможно, они писались в одно и то же время.

² РНБ. Ф. 499. № 30. 1772–1801. Л. 5 об.–6.

<3>

Перечень рассуждения об оде

Что есть ода? Сколько родов оныя? Что есть восторг? Единство намерения в чем состоит? Как должно согласовать единством намерения отступления которые особливо украшают <?> лирическое стихотворство? Должно удивить воображение: а не разуму доказывать. Восхищение предполагаемое отменяет ее от всех прочих родов стихотворений. В эпосе только спокойно лицемерие <?>: здесь восторг furor. Должны быть заблуждения воображения; но <прелест>ного и где чувство бывает судия его. Воображения богатство не во множестве прерванных картин, но в удобном и живом представлении, чтобы чтец сам помогал себя обманывать. Чтобы ему ничего не стоило то же вообразить, чтоб ему сладостно было воображение сего. Чтоб всякое слово возбуждало за собою ряд воображений, неотменно долженствующих восстать в человеке. Наконец чтоб чтец принужден был еще более вообразить, нежели читает, т. е. чтобы сам объят был тем же восторгом, который обладал творцом, и захотел бы по следам стихотворца сам быть создателем новых картин. Мы подражаем всему тому, что нам нравится. Просто философической оды нет, а философическая только в том, когда великие истины мечтали величественного и прельщающего с восторгом изъясняются. Механизм <так!> лирического стихосложения так же совокупляется с существом стихотворения, в важном ходе его должен быть измерен, важен, постоянен. Беспорядочен, когда вкушает вспыльчивость воображения. В неравных стихах должно быть наблюдение отношение. Разность отношения целого к половине и целого к двум третям должно быть чувствительно на слуху. Но и здесь также тот случай, что искусство бывает худо, когда чересчур видно. Ухо привыкает к возвращению стоп и рифм в каком бы то порядке ни было и помнит череду всякого: таким же образом, как привыкает оно ожидать рифмы по прошествии нескольких времен. Есть чтецы, которые тому причины не знают, но чувствуют лишнюю стопу или недостаток. Важной оде принадлежит симметрия стоп. Строфы необходимы, чтоб скорее были переходы из картины в другую.

Comparaison de Pindare et d'Horace. Blondel. Essai sur Pindare avec une analyse raisonné des odes de ce Poète. 1772¹.

¹ ОР РНБ. Ф. 499. Ед. хр. 37. Л. 40.

Список литературы

Источники

- Западов В. А.* Муравьев Михайла Никитич // Словарь русских писателей XVIII века. СПб.: Наука, 1999. Вып. 2. С. 305–313.
- Майков В. И.* Разные стихотворения. СПб.: Тип. Гос. воен. коллегии, 1773. Ч. 1–2.
- Майков В. И.* Избранные произведения. М.; Л.: Сов. писатель, 1966. 509 с.
- Муравьев М. Н.* Оды лейбвардии Измайловскаго полку сержанта. СПб.: Тип. Академии наук, 1775. 30 с.
- Муравьев М. Н.* Полн. собр. соч.. СПб.: В тип. Российской академии, 1820. Ч. 3: Статьи. 324 с.
- Муравьев М. Н.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. 396 с.
- Петров В. П.* Ода ея императорскому величеству Екатерине Второй, самодержнице всероссийской на заключение с Оттоманскою Портою мира. М.: Печатана при Императорском Московском ун-те, 1775. 21 с.
- Третьяковский В. К.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. СПб.: Наука, 2009. 672 с.
- Херасков М. М.* Новые оды. М.: Унив. тип., 1762. 74 с.
- Blondel F.* Comparaison de Pindare et d'Horace. Paris: Chez Claude Bardin, 1673. 291 p.
- Vauvilliers J-F.* Essai sur Pindare, contenant une traduction de quelques odes de ce poëte, avec une analyse raisonné & des notes historiques, poétiques & grammaticales. Paris: Chez Paul-Denis Brocas, 1772. 343 p.

Исследования

- Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 371 с.
- Алехина Л. И.* Архивные материалы М. Н. Муравьева в фондах Отдела рукописей // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Книга, 1990. Вып. 49. С. 4–87.
- Гуковский Г. А.* Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII в. Л.: Худож. лит., 1938. 313 с.
- Ивинский А. Д.* М. Н. Муравьев и А. П. Сумароков (по материалам ОПИ ГИМ и ОР РГБ) // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2018. № 2. С. 198–210.
- Ивинский А. Д.* Из предыстории арзамасской галиматъи: письма М. Н. Муравьева и В. В. Ханькова (по материалам ОПИ ГИМ) // Болдинские чтения-2018. Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2018. С. 102–113.
- Ивинский А. Д.* Поэтическое наследие М. Н. Муравьева: к истории текста ранних стихотворений. По материалам ОР РГБ // От истории текста к истории литературы. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Т. 2. С. 9–51.
- Ивинский А. Д.* М. Н. Муравьев и античные поэты: неопубликованные переводы // Studia Litterarum. 2021. Т. 6, № 2. С. 358–385. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-358-385>
- Ивинский А. Д.* Переводы М. Н. Муравьева из античных авторов (по материалам ОР РГБ) // Документально-художественная литература в России XVIII–XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2022. С. 83–129. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0680-2-83-129>

Ивинский А. Д. Русская литература XVIII в. и культурный проект Екатерины II. М.: Водолей, 2023. 400 с.

Кочеткова Н. Д. Литература русского сентиментализма. Эстетические и художественные искания. СПб.: Наука, 1994. 286 с.

Кулакова Л. И. М. Н. Муравьев // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. 1939. Вып. 4. С. 4–42.

Кулакова Л. И. Поэзия М. Н. Муравьева // Муравьев М. Н. Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1967. С. 5–49.

Лазарчук Р. М. Литературная и театральная Вологда 1770–1800-х годов: Из архивных разысканий. Вологда: Легия, 1999. 238 с.

Сионова С. А. «Новые лирические опыты» Михаила Никитича Муравьева на страницах архива поэта // Михаил Муравьев и его время. Посвящение Союзу трех Поэтов: Гаврилы Державина, Николая Львова и Михаила Муравьева. Казань: РИЦ, 2013. С. 45–53.

Смолярова Т. И. Миф о поэте мифа. Пиндар в России и во Франции. URL: <https://textarchive.ru/c-1916933-pall.html> (дата обращения: 23.04.2024).

Топоров В. Н. Из истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2003. Т. 2: Русская литература второй половины XVIII века. М. Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. 2. 928 с.

References

Alekseeva, N. Iu. *Russkaia oda. Razvitie odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh* [*Russian Ode. Development of the Odic Form in the 17th–18th Centuries*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2005. 371 p. (In Russ.)

Alekhina, L. I. “Arkhivnye materialy M. N. Murav’eva v fondakh Otdela rukopisei” [“Archival Materials M. N. Muravyov in the Collections of the Department of Manuscripts”]. *Zapiski Otdela rukopisei Gosudarstvennoi biblioteki SSSR im. V. I. Lenina* [*Notes from the Department of Manuscripts of the State Library of the USSR Named after V. I. Lenin*], issue 49. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 4–87. (In Russ.)

Gukovskii, G. A. *Ocherki po istorii russkoi literatury i obshchestvennoi mysli XVIII v.* [*Essays on the History of Russian Literature and Social Thought of the 18th Century*]. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1938. 313 p. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. “M. N. Murav’ev i A. P. Sumarokov (po materialam OPI GIM i OR RGB)” [“Muravyov and A. P. Sumarokov (On Materials from the Department of Written Sources at the State Historical Museum and of the Manuscript Department of the Russian State Library)”]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 2, 2018, pp. 198–210. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. “Iz predystorii arzamasskoi galima’i: pis’ma M. N. Murav’eva i V. V. Khanykova (po materialam OPI GIM)” [“From the Prehistory of Arzamas Gibberish: Letters of M. N. Muravyov and V. V. Khanykov (Based on the Materials of the OPI GIM)”]. *Boldinskie chteniia-2018* [*Boldino Readings-2018*]. Nizhnii Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod Publ., 2018, pp. 102–113. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. “Poeticheskoe nasledie M. N. Murav’eva: k istorii teksta rannikh stikhotvoreniy. Po materialam OR RGB” [“The Poetic Legacy of M. N. Muravyov: Towards the History of the Text of Early Poems. Based on the Materials of the RSL”]. *Ot istorii teksta k istorii literatury* [*From the History of Text to the History of Literature*], vol. 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 9–51. (In Russ.)

Ivinskii, A. D. “M. N. Murav’ev i antichnye poety: neopublikovannyye perevody” [“M. N. Muravyov and Ancient Poets: Unpublished Translations”]. *Studia Litterarum*, vol. 6, no. 2, 2021, pp. 358–385. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2021-6-2-358-385> (In Russ.)

Ivinskii, A. D. “Perevody M. N. Murav’eva iz antichnykh avtorov (po materialam OR RGB)” [“M. N. Muravyov’s Translations from Ancient Authors (Based on the Materials of the RSL)”]. *Dokumental’no-khudozhestvennaia literatura v Rossii XVIII–XIX vv. [Documentary and Fiction Literature in Russia in the 18th–19th Centuries]* Moscow, IWL RAS Publ., 2022, pp. 83–129. <https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0680-2-83-129> (In Russ.)

Ivinskii, A. D. *Russkaia literatura XVIII v. i kul’turnyi proekt Ekateriny II [Russian Literature of the XVIII Century and the Cultural Project of Catherine II]*. Moscow, Vodolei Publ., 2023. 400 p. (In Russ.)

Kochetkova, N. D. *Literatura russkogo sentimentalizma (Esteticheskie i khudozhestvennye iskaniiia) [Literature of Russian Sentimentalism (Aesthetic and Artistic Quests)]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 282 p. (In Russ.)

Kulakova, L. I. “M. N. Murav’ev” [“M. N. Muravyov”]. *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriiia filologicheskikh nauk*, issue 4, 1939, pp. 4–42. (In Russ.)

Kulakova, L. I. Poeziia M. N. Murav’eva [“Poetry of M. N. Muravyev”]. *M. N. Murav’ev. Stikhotvoreniia [M. N. Muravyev. Poems]*. Leningrad, Sovetskii pisatel’ Publ., 1967, pp. 5–52. (In Russ.)

Lazarchuk, R. M. *Literaturnaia i teatral’naia Vologda 1770–1800-kh godov: Iz arkhivnykh razyskanii [Literary and Theatrical Vologda of the 1770–1800s: From Archival Research]*. Vologda, Legiia Publ., 1999. 238 p. (In Russ.)

Sionova, S. A. “Novye liricheskie opyty’ Mikhaila Nikiticha Murav’eva na stranitsakh arkhiva poeta” [“‘New Lyrical Experiments’ by Mikhail Nikitich Muravyov on the Pages of the Poet’s Archive”]. *Mikhail Murav’ev i ego vremia. Posviashchenie Soiuzu trekh Poetov: Gavriily Derzhavina, Nikolaia Lvova i Mikhaila Murav’eva [Mikhail Muravyov and his Time. Dedication to the Union of Three Poets: Gavriila Derzhavin, Nikolai Lvov and Mikhail Muravyov]*. Kazan, RITs Publ., 2013, pp. 45–53. (In Russ.)

Smoliarova, T. I. *Mif o poete mifa. Pindar v Rossii i vo Frantsii [The Myth of the Poet of Myth. Pindar in Russia and France]*. URL: <https://textarchive.ru/c-1916933-pall.html> (Accessed 23 April 2024). (In Russ.)

Toporov, V. N. *Iz istorii russkoi literatury [From the History of Russian Literature]*, vol. 2: *Russkaia literatura vtoroi poloviny XVIII veka. M. N. Murav’ev. Vvedenie v tvorcheskoe nasledie [Russian Literature of the Second Part of 18th Century. M. N. Muravyov. Introduction to Creative Heritage]*, book 2. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 2003. 928 p. (In Russ.)